

НА ПОМОСТЕ

«...Что жизнь? -

Тень мимолетная, фигляр,

Неистово шумящий на помосте

И через час забытый всеми...»

Шекспир. « Макбет »

Дети подбежали, и я весь напрягся, а мама дернула меня за рукав и сказала: " Сядь, что ты вскочил? Сядь же, ничего они тебе не сделают." И я сел, но все время крепко держал мячик, мой теннисный мячик: потому что знал: дети хотят, чтобы я им его отдал. И если бы они начали просить, я бы не смог отказать, а мне так не хотелось с ним расставаться. И когда мы шли домой, я достал его из кармана и начал гладить, потому что это был мой мячик, мой любимый мячик, мой самый любимый на свете друг. Он помогал мне думать, помогал разговаривать, без него я не мог жить. И я начал стучать им о тротуар, и разные фразы стали приходить мне в голову, а мама шлепнула меня по

спине и сказала: " Перестань сутулиться. Смотри, как все ходят прямо. Почему ты все время сутулишься?"

А когда мы пришли домой, бабушка стала ко мне приставать, но я не ответил ей, а сразу пошел в спальню и начал там стучать мячиком о стенку и думать о том как буду строить свою подводную лодку. " Амфибия- Беркут"- вот как она будет называться. Это будет подводная лодка, которая, если захочешь, сможет превращаться в самолет. Когда она будет закончена, я погружусь на ней в Москву- реку и поплыву под водой: сначала в Оку, потом в Волгу, потом в Каспийское море, потом перелечу в Черное и дальше, дальше, через Босфор, Дарданеллы...Я уже все пути продумал и маршруты проложил, все карты изучил. Особенно осторожным надо быть при выходе в Волгу, там могут патрулировать сторожевые суда...И только когда доберусь до океана, то почувствую себя в безопасности. Я поселюсь на необитаемом острове и буду жить там совсем один. Никто не будет мне нужен. Я сделаюсь властителем всех морей и океанов, всего мира; все люди будут меня бояться и любить. Если мне станет скучно, я приеду к ним погостить ненадолго, но как только надоест, тут же уеду к себе на остров, и там уже никто не сможет приставать ко мне. Я буду самый свободный и самый могучий человек. И самый счастливый.

А вечером я уже в кровати лежу, а они в соседней комнате ужинают. У них гости, и магнитофон играет. Я

слышу отец говорит: "Ну, Григорий, ты конечно в этой сцене хорош, но только, если великий вождь и учитель из гроба встанет, то, боюсь, тебе не поздоровится." А дядя Гриша смеется: "Ну, если встанет, то мы тогда эту сцену совсем по-другому сыграем". А мама говорит:

"Как это у вас- артистов все просто: хотим так сыграем, хотим- иначе." А он ей: "Это, Танечка, как в жизни: то так, то иначе. Как Шекспир говорил...Выключи на минутку своего Окуджаву, давай посмотрим, что там по телевизору?"

"Мама ему: "Разве он так говорил?" - и они все засмеялись и сели телевизор смотреть. А ко мне от двери полоска света тянется, и я свой мячик вытащил и стал его потихоньку подкидывать и разговаривать. И вдруг дверь открывается, и отец входит и сразу: "Ты почему не спишь до сих пор? Зачем здесь мячик опять? Сколько раз можно говорить! Если ты немедленно не заснешь, я его сейчас же отберу! И выброшу!" Ушел и дверь закрыл плотно.

А я сначала замер, а потом чувствую, что меня трясет, и что я заплачу сейчас. И в это время слышу мама говорит: "Зачем ты дверь закрыл? Ты же знаешь, что он не заснет так. Приоткрой немного" И снова ко мне полоска света поползла, и я начал мячик под подушкой гладить и думать, что надо уже скорее начинать лодку строить.

* * *

Почему я сегодня все про этот мячик вспоминаю? Ах да, ведь это мать его утром из под шкафа вымела.

- Смотри, - говорит, - что я нашла. Ведь это же твой Жюлик, твой Жюль Верн. Помнишь ты всегда такие мячики Жюль Вернами называл. Сколько я их тебе передарила. Этот у нас сначала на даче жил, а потом я его прибрала, так что он многие годы спрятан был. А тут я как-то твои детские вещи разбирала, а Игорек как раз к нам в гости пришел. Я помню, он все хотел его у меня ухватить. Наверное, я загляделась, а он его под шкаф и закатил.

-Ну и черт с ним, -говорю, - пусть бы там и валялся. На что ты его вытащила?

-Ну как же , - говорит, - ведь это такая память... Все дети друг с другом играют, балуются, шалят, а ты все один ходишь, все мячиком о стенку стучаешь и сам с собой разговариваешь.

-Вот, говорю, достукался. Все дети сейчас уже в бизнесе процветают или за границу смылись. А я во что превратился- подумать противно.

-Ну что ты, - говорит, - зато ты такой начитанный. Сколько всего прочел. Я и десятой доли этого не читала.

-Да ты, - говорю, - и сотой доли не читала.

Помрачнела, оправдываться стала:

- Ну как же не читала. А сколько я тебе в детстве перечитала: и Диккенса и Жюль Верна, и Гайдара....

-Да, - говорю, - верно. Я через этих Жюль Вернов и Гайдаров как раз идиотом и стал: их бредовые фантазии мои мозги куда-то сдвинули, а на место они потом почему-то ни стали.

На это она не нашлась, что ответить. Сунула мячик в карман фартука и ушла на кухню.

Подумать только, во что превратилась. Какая властная была женщина - все детство мной помыкала: то ложись спать, то не горби спину, то садись урок по музыке учить. " Да не сейчас, а сейчас же!" А чуть я не ту ноту возьму - кричит: "Врешь!". Я через это "врешь" всю музыку надолго возненавидел... Что от всего этого осталось. Слова поперек сказать не смеет. Такое от меня терпит, самому противно становится.

Как я на днях ее братца отчитал. Рта открыть не посмела... Подонок несчастный, шут гороховый... Забыл наверно как совсем еще недавно повернувшись задницей к дворцу съездов, читал своим писклявым голосом товарищу Брежневу стихи, посвященные какому-то его юбилею...

А теперь, не износив еще сапог, которыми его щедро снабжала эта власть, вышел на авансцену, на глазах всей труппы порвал партбилет и провозгласил, что страшнее коммунизма на свете зверя нет...Кстати, может так оно и есть, только тебе-то лучше бы об этом помолчать.

Когда я ему парочку вопросиков напрямик кинул, он с кресла и встал, скорбную мину соорил, по комнате забегал.

-Ты не знаешь всех подробностей, ты еще многого не понимаешь.

-Это - говорю, - верно. Пониманием никогда не отличался.

-На самом деле все много сложнее, чем тебе кажется.

-И это, - говорю, - верно. Так вот ты не мог бы тут кое-что упростить?

-Что именно?

-А перестать появляться в нашем доме.

Тут он сразу топтаться по комнате перестал.

Остановился передо мной. Глаза моргают, бороденка трясется. Куда вся величавость подевалась?

Бормочет что-то: "...на старости лет...от близких людей..."

-Верно, верно, - говорю, - только как насчет того, чтобы отсюда убраться?

Палку свою схватил и ни на кого не глядя к двери промаршировал. Только тут она в первый раз голос и подала:

- Зачем ты так с ним? Ведь дядя Гриша столько для нас сделал.

- Правильно, - говорю, - А сейчас он для нас еще больше сделает.

Уставилась как дурочка.

- Что сделает?

- А не посмеет здесь больше появляться. Вот что!

* * *

Ах, Григорий, Григорий, зачем ты так все испаганил? Неужто нельзя было обойтись без этого дешевого фарса? Уж кому-кому, а тебе то жаловаться было не на что. Ведь ты всю жизнь ел из их кормушки. И кормили тебя, прямо скажем, неплохо: при твоих то скромных актерских дарованиях- и тебе заслуженного, и тебе народного; и одной ты премии лауреат, и другой... Все это ты, конечно, отработывал: и как бессменный секретарь парторганизации, и как создатель образов- один положительнее другого... Так вот после всего этого, неужто нельзя было повести себя достойно?

А ведь тебя уважали в театре. Относились с некоторой иронией, но вполне доброжелательно. Я это почувствовал, когда с твоей, конечно, подачи поступил в театральное училище, и ты стал таскать меня по всяким актерским забегаловкам, и твои дружки и подружки начали спаивать меня и, при появлении кого-нибудь новенького, показывать пальцем и говорить: "Имей в виду- это племянник Григория- наша восходящая звезда".

Но я быстро понял, что актера из меня никогда не получится ибо играть я могу только самого себя, да и то плохо. Тут-то я и подружился с одним пьянчужкой- тоже несостоявшимся актером- необыкновенно начитанным, обаятельным и артистичным. Он играл на гитаре, пел песни, рассуждал о Джойсе и Бхагавадгите, и каждое лето уезжал с геологами на несколько месяцев в качестве то ли повара, то ли шофера, то ли собутыльника...впрочем, в камнях он тоже, кажется, что то понимал.

Он-то и задурил мне голову всеми этими экспедициями и ночевками под открытым небом; разбудил мои детские бредни о путешествиях и необитаемых островах.

И прошло, наверно, года три- четыре прежде чем я понял насколько терпеть не могу все эти " выезды в поле", всю эту лагерную жизнь вынужденное общение и игру в романтиков и бродяг. И такая на меня напала тоска, что, вернувшись из одной экспедиции, я взял да и вскрыл себе вены- не всерьез, конечно, а так, чтобы хоть что-нибудь живое пролилось на кафельный пол нашего совмещенного санузла.

Какая тут поднялась кутерьма! И ты, Григорий, был, конечно, в первых рядах. Ведь, как я потом выяснил, девяносто процентов твоих дружков и коллег лечились от запоев и депрессий, так что знакомств у тебя было, хоть отбавляй. Ты позвонил какому-то психиатрическому светиле, и я потащился к нему на Потешную улицу.

Светило было, конечно, еврейской национальности с черной слегка седеющей шевелюрой и пронзительным взглядом. Ждать мне его пришлось в коридоре минут сорок, и, когда оно стало ко мне быстрой походкой приближаться (а за ним бежало еще два ассистента, ловя на ходу ценные указания), то я понял, что время у него в обрез, и мне надо жадно ловить лучи света, от него исходящие.

Профессор сел за стол, усадил меня напротив, и с минуту молча пристально на меня смотрел. За эту минуту ему по-моему все стало про меня ясно, и весь последующий разговор носил лишь характер подтверждения его мгновенного озарения.

Приговор был четким и безапелляционным- эндогенная депрессия: застарелая, нелеченная...впрочем, при возможностях современной психофармакологии, справиться с этим особого труда не представит: восемь таблеток амитриптилина в день, и все как рукой снимет...недели через три.

Потом он на меня так посмотрел, что я понял- следующий вопрос будет иметь особо доверительный характер.

-Вы женаты ?

- Нет, не женат.

- И по этой линии...с барышнями , я имею в виду, есть какие- то проблемы? А?

Ну уж на эту тему мне совершенно не хотелось с ним разговаривать, но, поскольку спросил, я ответил:

-Да, с барышнями есть проблемы.

Он понимающе закивал.

- Это все взаимосвязано. Уверяю вас: будете лечиться- все наладится...Ну а скажите мне уж так, по- правде: суицидальные мысли вас часто посещают ?

Я решил сыграть в дурачка:

- А это что такое?

Он сделал какое-то движение кистью:

- Ну вот в отношении себя самого...

- А вот что- говорю- Да меня такие мысли вообще никогда не посещают.

- Ну, а вот этот последний эпизод?...

- Да это так- решил поразвлечься. Вы же знаете, я из актерской семьи.

- Ну как же, как же, ваш дядя...

- Да у меня и отец- тоже артист.

- А, вот это я не знал.

- Только очень уж посредственный. В семидесятые годы он все в диссиденты играл. Правда его никто всерьез не принимал- даже КГБ на него не хотело внимание обращать. Уж когда он что-то совсем несусветное отмочил, его в каталажку засунули, но быстро выпустили... Потом, когда времена изменились, он в бизнесмены решил играть, но с этим, видимо, совсем ничего не получилось- с нашей сцены он во всяком случае исчез; так что я про него давно ничего не слышал.

- Так что он с вами не живет?

- Слава богу -нет.

На этом, я понял, содержание визита было исчерпано, и я встал, чтобы откланяться. Профессор не возражал... Денег у меня никаких не было, поэтому я спокойно спросил: " Сколько я вам должен?" Он, разумеется, сделал движение- "об этом не может быть и речи",- но встретиться больше не предложил... Никакой этой дряни я, конечно, не принимал.

* * *

Гремит и гремит. А ливня все нет. Тьма какая! Какие судороги небо передергивают! Скорее бы началось. Скорее бы разнесло к чертовой матери эту яичную скорлупу, этот мыльный пузырь, который Господь пустил для забавы. « Забавляйтесь, дети мои. Плодитесь и размножайтесь. Спаривайтесь и совокупляйтесь где попало: под открытым небом, на лавках, на траве...»

Отличную парочку я сегодня на Девичьем поле наблюдал. Расселись сукины дети на моей скамейке, как будто это их законное место. Старикашка- такой вальяжный, игривый. И усы, и бороденка, и цепочка золотая- все при нем. Только вот ботиночки что-то уж очень стоптанные и рубашка, как говорится, не первой свежести. А из какой помойки он

шляпу вытащил - один черт знает. Сидит, старый хрыч,
развалился, веки полуопущены; наблюдает, улыбаясь, как
шумит кругом молодая поросль... Да уж не ты ли это был,
Григорий? Роль то ведь твоя... А девчонка глазами
стреляет: носик остренький, плечики узенькие.

Кто она ему: дочка, внучка? Интересно, лапает он ее,
когда они вдвоем остаются? Ах, папаша, ах, озорник!

Ну что же, Господи, неужто не по силам тебе? Ну наддай
еще, ну еще немного, и все это разлетится. Ежели тебе
возиться, может, неохота, так мы сами все устроим. Только
не тяни. Все ведь готово. Дай знак, и Москва, и
Нью-Йорк, как Содом и Гоморра... Как это Хрущев,
говорят, однажды выдал: водородные бомбы производим как
сосиски. Подумай только, какая фантазмагория начнется,
когда эти сосиски полетят через океан и обратно, как
бросится вся эта погань по пещерам и подземельям, как
будут топтать друг друга. «Возлюби ближнего своего, как
самого себя!» Такое возлюбление начнется - поглядеть
любо-дорого. Те, кого ты не уничтожишь - сами себя
передавят...

Наконец-то хлынуло. Теперь хоть продохнуть можно...
Ах. Папаша, ах озорник! Прячься, сукин сын, в пещеру, пока
не поздно. Что тут поделаешь! Видишь, какое кругом
творится. Се-кара Господня! Не оборачивайся на
прошлое, не то превратишься в соляной столб. Смотри
только вперед и мотай отсюда. На тебя одного и надежда.

За какие заслуги Господь тебя отличил- не нам знать.

Только мотай, мотай и не оглядывайся.

Было ведь это уже однажды. Сера и огонь пролились тогда на землю, так что от земли дым поднимался, как из печи. И один только старикашка с дочками и уцелел в пещере. Забился не жив не мертв и отсиживался, покуда снаружи все пылало и грохотало...

А потом прошло сколько-то времени, и стихло все. И такая тишина наступила вдруг, что слышно было как песчинки с камня на камень перепрыгивают... И тогда дочки вылезли из пещеры и видят, что на земле ночь и покой, и небо все в звездах, и звезды яркие и немигающие. И решили они напоить старикашку и переспать с ним... И так ладно у них все получилось, что он, пьяненький, даже не заметил, когда они ложились с ним и когда вставали.

Молодчина, Лотт! Не теряй времени, старина. Лапай дочек, брухать их. Знай и помни, что ты и есть жизнь вечная и день грядущий. Ведь это к тебе вошли красавицы дочки, и ты лапал их в пещере на полу, пропахшем вином и звериными шкурами. И тебе было хорошо, старик, чертовски, дьявольски хорошо, потому что ты был жив и пьян, и обнимал женщину, и плевать тебе было на то, чья она там дочь.

И ты тоже, папаша, не сомневайся. Дочка она тебе или внучка- какая разница! Хоронись с ней куда поглубже и

переждидай светопреставление, а когда сообразишь, что последний и решительный бой уже отгремел- вылезай на свет Божий и беги за бутылкой. Сам пей и ее угощай. И тогда она начнет плакать и отдаваться тебе, потому что на земле не останется никого, кто мог бы обойтись с ней по обычаю человеческому. И только через этот ваш блуд человечество и сохранится, и вновь поползет по земле и начнет селиться вдоль рек и по берегам теплых морей.

Видишь, старик, какая тебе честь уготована! И все только за то, что ты на моей скамейке сидел, старый греховодник.

Как льет! Какая стена воды! Какое я ничтожество!

* * *

- Послушай, до меня дошли слухи, что ты в церковь зачастила. Правда- это?

Замерла, будто за руку схватили.

- Да, я хожу в церковь, но если тебе это неприятно

- Нет, отчего же. Замаливать тебе во всяком случае есть что: сын у тебя в самом тяжком грехе замешен- пытался на себя руки наложить, брат - шута горохового строит, муж...кстати, кто-то мне недавно говорил, что видел его в «Марседесе». Я, правда, забыл

спросить какую он там функцию выполнял: трамблера или жиклера или, может быть, - жигало.

- Прошу тебя, не говори так - он же твой отец...

Иногда он нам все-таки помогает.

Ну, тут уж и меня задело... Ах, вот оно что! Так, значит, я ему еще и благодарен должен быть. Ну, это уж слишком.

- Слушай, - говорю, - а может ты мне напомнишь, когда это я просил, чтобы ты меня от него приبلудила?

Затряслась вся.

- Не надо. Умоляю тебя, не надо.

Но надо мной издеваться тоже не стоит.

- Нет, - говорю. - Скажи-ка, когда это я просил тебя родить меня?... Да как ты смела! Теперь еще попрекать будешь!

Чувствую, что совсем собой не владею, что разнесу сейчас к чертовой матери все вокруг.

- Отвечай, зачем ты меня родила?! Кто тебе позволил?! Кто тебя просил?! Отвечай!

Она руками лицо закрывает, я их отдираю, ору ей в лицо, а у самого руки трясутся, и спина трясется, и тошнить меня начинает.

Тогда оттолкнул я ее, на стул плюхнулся и за голову схватился. Дрожу весь и понимаю, что сейчас что-то произойдет - должно это чем-то кончиться. Хоть чем,

но кончиться. Не может дальше так продолжаться... А потом ощущаю, как меня всего ватой обкладывают. И заставь голову поднять- не подниму, и рукой двинуть- не двину. И дыхание из меня сиплое, как из паровоза вырывается. И не знаю, и знать не хочу, где я, и что со мной. Чувствую только, что сон меня одолевает, наваливается, и я ему всего себя подставляю, и слышу, как паровоз на какой-то станции пары выпускает.

* * *

Полоса света лежит на полу у моей кровати и наверх до потолка по стене поднимается...

" - Приоткрой к нему дверь, ведь ты же знаешь, он так не уснет..."

" - Странный какой-то человек. Никак не могу понять, что он собой представляет. Одарен, конечно, необыкновенно, исключительно одарен, но какой то странный. Причем он всегда таким был..."

-Со странностями .

- Нет, не со странностями, а просто ненормальный.

- Ну уж- ненормальный... Нервный. Просто очень нервный... Жизнь у него как-то не сложилась. Сложись она иначе...Но ведь вы тоже находите, что необыкновенно способный ?

- Я считаю- просто гениальный. Но странный какой-то... между прочим, в последнее время он очень мало спал.

- Ну что значит "мало спал"? Все мы мало спим .

- Нет, все-таки это было сверх всякой меры. Он почти совсем не спал .

- Ну может быть. Я, повторяю, не настолько хорошо его знал".

" -Постой , Григорий, ты куда? Брось- не валяй дурака, останься, да к черту все это. Ну прости меня, старина. Ты же знаешь, я давно свихнулся, это ведь не со вчерашнего дня. Что на меня внимание обращать! Ты же артист. Народный артист! Неужто ты думаешь, я не понимаю, что все это- только роли...И в некоторых, ты- просто великолепен...Взять, хотя бы, сцену, когда я начал тебе какие-то гадости говорить... Я думал ты сыграешь ее совершенно иначе...Взор загорится. Жезлом об пол- хватать! " Молчать щенки!"...А ты решил ее нетривиально: сыграл" Обиженные и оскорбленные"... Давай, за все эти роли и выпьем.... Все вместе: ты, мать и я... Глядишь, и блудный отец к нам присоединится: придет взглянуть на ослепшего сына... А мы ему и барашка заколем, и пир уготовим...

"- Странный он какой-то. Очень странный. Всегда был таким, а с годами это еще усилилось. Жизнь у него, конечно не сложилась..."

Косяк на потолке расширяется, и вижу, она в дверях стоит. Смотрит слепыми глазами со света в темноту, понять пытается- сплю я или нет.

Если бы я спал. Если бы была хоть какая-то надежда, что все это- сон, ...дурной, страшный сон. Если бы была хоть какая-то надежда, что когда- ни будь я смогу проснуться.